

***

грохочет земля в бреду, как смерть у себя во рту,
как ягодный чистый ад, как я в языке своём;
взрывается человек, стоит в молодом саду,
я ягодный, говорит, и это переживём,

мы ядерный, мы, мы, мы, вся родина в букве «р»:
марина бросает вервь, снимает чулки дантес,
в аду языка стою, несломленный землемер,
и чёрный взлетает сад на воздух отцовских месс;

я тоже взлетаю с ним и, ядерной фуге брат,
весь харя своих обид, заклеенным говорю:
мне дикий шиповник в рот, я пёсий кусок утрат,
по кругу меня бери – и братцу, и блатарю,

и сад отвечает «да», есмь в рот превращённый дождь,
пускает по кругу, в круг печатная рана рта;
я целка твоих небес, я тоже тебе что хошь,
бомбящим и листовым по чёртову «никогда»,

и пьём, и расстрельно спим, в ответе за все слова,
где времени чёрт летел и в морду поцеловал,
и голы, и живы все, и лена видна – жива! –
сквозь облако в стиле ню!
и времени – наповал!

***

Вспыхнет голос – и мёртвый сосед в перелётном огне,
как при жизни ходил, так и ходит, занозист, внепланов,
– Не пиши, – говорит, – никогда мемуар обо мне,
это будут китайские тени, георгий иванов,

миноётного ангела пеньё во рту, слова ддя, –
– шарит комнату всю, – дай-ка память сожгу, где же спичка,
на четыре – сгорит голубая твоя неземля,
на шестой – полетит миноносица, смерть, невеличка,

это будет нерайская блажь, перелётный распил,
свет нептичий, тыдымский, ночной перченковой,
лучше то, как ходил, как мешал, как пластинки крутил,
как бесяво сидел до утра в общежитской столовой,

слышишь, брат, лучше сердце-монтаж, соловей речевой,
ближе джойсу и сну, ближе времени в продыхах дыма,
всё о нём и о нём, обо мне ничего, ничего, –
– повторяет, как бред, – нелюбим, нелюбим, нелюбима,

нелюбима моя, нелюбимо моё,
– повторяет, смеясь, беспилотно, и неба не видно, –
– я теперь высота, алфавит без ненужного «ё»,
без ненужного «б» так беспамятно и алфавитно,

испытатель опавшей беды, подождённого «нет»,
речь огню-человеду, пчела с огненным неиначем, –
– обнимаю, из мёртвой руки возвращаю билет,
безбилетно в обнимку стоим, и хохочем, и плачем.

***

Памяти Александра Петрушкина

чёрной реки поднимается сон
дым над тюрьмой тыгыдым и зека
брат у костра и зануда антон
рыбу торопят малька
смертная рыба на зецких зубах
рыба огня уходящая жизнь
в страх микрофона торопится в ах
ах с кутенковым совсем не водись

нет не водись не вода не шитьё
кройка его не вода не гранит

пьяная речь поднимается в «ё»
свет говорит

там за окном тыгыдым-тыгыдым
видно одно в запотевшем двоим
чёрную речь уходящий кыштым
хейтер пронесит неатомный дым
дети нерождённый не любит отца
сын допивает водицу с лица
мама зовут неродившую мать
мне ли не знать

там на руке земляничных смертей
друг умирает меня не вина
ангела саша и клюва лютей
слушает мёртвую птицу огня
ягодный выстрел упрётся к стене
речь озверевший расхочет огня
мёртвая бабушка спит обо мне
спящая бабушка бдит обо мне
любит меня

это кыштым тыгыдым и гулаг
саша петрушкин оскол языка
спит драгомощенко сука в кулак
чёрный в зубах развевается флаг
жёлтой щербинкой зе-ка

если в одном обрываясь окне
небо асфальт уходящего для
речь подземельное встрой и во мне
смертная лыба тыдыма земля
сашина речь миномётной сестрой
смерть огневушка учебка змея
райской воды поднимается в строй

брат это я

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРНОРЕЧЬ»

II.

Павел мой Павел внушаемый братец подмены
Чёрному снегу на смену никто не идёт
Ходит Поплавский в объёме исколотой вены
Адской метаболы в небе горит вертолёт

Кажется, ты – не тайник, заражённая местность
Бред озарённой мембраны неправда не я
Лесом густым уходящая руссо словесность
Крови до верха сестрица стакан питья

Девочка-дура из неба питейного выйди
Видишь: зелёное – чай, а рябинное – кровь
Лермонтов плавай по грудь в недугельной обиде
Пушкин стреляй в черноплодных своих юнкеров

IV.

*О год проклятый – навет, и змеиный след,
II окрик барский, и жатва чужого хлеба...
Татьяна Бек*

о год изначальный беременный смертью живот
горит изнутри деревцо черноплодного леса
мария спешит разложившись на холод и мёд
и пушкин в ночи обнимает и любит дантеса

я тоже теперь упарсин о моём никогда
и текел и текел в рожаящем теле конвоя
мария есть холод и свет и господь живота
сучит нам двоим незнакомое и ножевое

то ответ молчанья не я и неправда не я
мы рыба песчаная временный бог «или/или»
подруга стремится к дивану ко сну питья
спешит лев семёныч к зловещему автомобилю

мы новое обэриутство в зашитой груди
поймать бы за хвост эту хтонь и веселья втереть ей
мария ты горе обратно вдоль ада иди
со мной в переписке родившийся фёдор терентьев

и стас о своих двойниках не сошедший с ума
артём ты размноженный лес биокукла причала
мария ты нож на ноже и неправда сама
январь черноречь и всего лишь начало начало

I.

Говоривший молчащему – дерево предупрежде,
адский мент под ночной козырёк,
длился дождь, и воденников длился в приморском дожде,
леса ангел бормочущий рёк:

«Я юродивый бог перемен виноградной реки,
прокажённого тела вода,
отвечай за базар – это семечки или кульки,
за огонь – это „нет“ или „да“,

чёрных рынков товар с отоваренной смертью на „ты“,
их решётчатый бог горловой,
уносило меня переменное тело беды,
полусвет окунал с головой,

что сказать мне о жизни – она мальчуковый тростник,
на краю литпроцесса слеза,
это воздух уральской беды – или пепел из книг,
озарённое нет – или за»,

это лебедю в сердце сочтется ночной физраствор,
с губкой укусной стих заодно,
покладное врёт, что само прикарманенный вор,
будет всё, но не надо в окно,

где повешен, растянут и я неантичной лозой,
врущий сам, что смогу и смогу,
а наутро – песочной страны мезозой, кайнозой,
мёртвый брейгель на чёрном снегу.

II.

Облаком протокольным падает брат на брата
В алое ножевое брошен божествен псих
Поговори со мною вот за углом цитата
Громче дорогой речи
Я не один из них

Садка закатной речи тёмные альвеолы
Маленький бог подобий порозовел и стих
Смертной дорогой детства мальчик домой из школы
Встреть за углом прощанья
Может один из них

Тех по овечьей шапке так и не взявших вора
Куст людоедских ягод минный и разрывной
Голосом протокола хаосом физраствора
Хмурой луной укола
Поговори со мной

Может из тех из этих блюдо хинкальной речи
Весь обещавший спяну ангельский навесной
В теле моём коварном во глубине невестречи
Свет не сберёгший сына
Поговори со мной

Режущий свет о сыне дело моё хинкали
Во глубине беззубой плодотворящий мел
Тела болящий обруч длился по вертикали
Кровью губной ветвился
И говорил и пел

Светом не спасшим бога
Взрывом не спасшим сына
Неба резец пропащий весь-молоко взвился

Я ресторанный ангел мясо моё личина

Здесь описать бы голос
Это уже нельзя

***

Захмелеет щека и попросит: ударь, ударь,
я упавшее небо, я мама другого дня
сердца стук, озверевшая дочь, молодой гопарь,
бывшей родины свет, не родись, не родись в меня

я неправды отвар, черепушное бильбоке,
до меня наклонись, ты же тоже, как я, попса,
три движения, песня любви в голубом платке,
стас михайлов гоп-стоп ножевые твои глаза

наклонись до земли – слышишь, правды не говорю, –
скорый, мамочка, скорый, свет говорит в огне –
скорый, мама, язык мой китай, приручённому словарю,
дальтоническому лучу, не водись, не водись во мне

чёрным чёрным горит наклонись я уже на «ты»
грязным ухом земля
пепел в пальцах временщика
девяностое порево родина время стыд
белым белое красное красным огонь щека